

Александр Калягин сыграл Уильяма Шекспира

Коммерсант-дэйли - 1997 - 3 окт. - с. 14

В актерской биографии Александра Калягина случилось немало прохиндеев, несколько мучающихся русских интеллигентов, «бразильская тетушка» молодого английского обалдуя и даже вождь мирового пролетариата. В спектакле «Смуглая леди сонетов» по Бернарду Шоу, которым открылся руководимый Калягиным театр «Et cetera», он сыграл роль великого Барда, Уильяма Шекспира.

Для торжественного открытия новой сцены «Et cetera» пустяковая пьеска Шоу пришлась весьма кстати: в одном из эпизодов Шекспир просит королеву Елизавету подбросить ему денег на обустройство театра. То есть, если говорить официальным языком, нечуждым Калягину как председателю Союза театральных деятелей России, — о необходимости прямого государственного финансирования театрального искусства. По Шоу, Шекспир получает от ворот поворот. Как, наверное, получает его иногда в ответ на подобные просьбы и худрук «Et cetera». Однако ни на какие более глубокие параллели стародавней Англии и нынешней России спектакль не претендует.

Учитывая, что Илья Гилилов в книге «Легенда о Великом Фениксе» недавно доказал, что все пьесы Шекспира написал граф Рэтланд со товарищи, а ничтожный стратфордский актеришко Шакспер и грамоте-то не был толком обучен, традиционные сравнения портретов и исторических ситуаций (и без того, впрочем, совершенно бессмысленные) вообще не возникают. Если уж задавать вопрос, кто на кого похож в новом спектакле Романа Козака, то гораздо более существенным окажется, что Калягин очень похож на самого себя.

Его Шекспир отчасти прохиндей, но отчасти и русский интеллигент. Анатолий Эфрос, написавший актерский портрет Калягина точнее всех театроведов вместе взятых, когда-то определил его поведение на сцене словом «вкрадчивость». Справедливо было бы поставить рядом слово «переменчивость». Но Калягин, в отличие от многих мастеров трансформации, никогда не жонглирует масками и состояниями. Он подолгу мается в пограничных состояниях, прежде чем ясноглазый добродушный хлопотун превращается в раз-

Уильям Шекспир и королева Елизавета: новая трактовка взаимоотношений художника и власти

драженного мизантропа, самодовольный бонвиван — в растерянного, жалкого неудачника.

В том, как играет Калягин в первом спектакле в новом доме, заключена новая аппетитная заправка для зрителей. «Ах, какой же он все-таки актер!» — хором причмокивала театральная общественность, выползая из театра.

В «Смуглую леди сонетов» включены фрагменты из двух шекспировских пьес, и Калягин сначала играет кусочек из «Много шума из ничего», а ближе к финалу — монолог Лира. Одна роль комедийного репертуара, другая — трагического. Так в пределах короткого «салонного» спектакля он словно в очередной раз примеряет на себе те два крайних амплуа, между которыми внутренне разрывается всю жизнь. У боль-

шинства зрителей знакомый облик Калягина вызывает в первую очередь улыбку: народ любит его за участие в популярных комедиях. Но Калягин не чистый комик (хотя и выдающийся; может быть, самый крупный современный русский комик). И не просто трагик (ему выпадало не так уж много возможностей это доказать).

Сейчас он едва ли не самый крупный наш трагикомик, то есть носитель редчайшего «пограничного» театрального амплуа. Руководителю нового театра Александру Калягину предстоит озаботиться тем, чтобы не разменять актера Калягина и не слишком долго томить его в очередном пограничье. Это очень просто делается: нужно найти Пьесу и Режиссера.